

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции**

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ
НАУЧНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ
КОНЦЕПЦИЯХ МИРОЗДАНИЯ**

25 марта 2016 г.

Нижний Новгород

www.scipro.ru

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ И
ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ МИРОЗДАНИЯ**

**Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции**

25 марта 2016 г.

www.scipro.ru
Нижний Новгород 2016

УДК 101
ББК 87

Ч 391

Редакторы:
Н.А. Краснова, Т.Н. Плесканюк

Человек в современных научных и философских концепциях мироздания: сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции 25 марта 2016 г. - Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» - 2016. - 61 с.

ISBN 978-5-00-005653-1

В сборнике научных трудов рассматриваются проблемы отражения человека в современных философских концепциях по материалам научно-практической конференции «Человек в современных научных и философских концепциях мироздания» (25 марта 2016 г.).

Сборник предназначен для практиков, руководителей всех уровней, научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте <http://www.scipro.ru>.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-00-005653-1

@ Редакторы Н.А. Краснова,
Т.Н. Плесканюк, 2016

@ Коллектив авторов, 2016

@ Индивидуальный предприниматель
Краснова Н.А., 2016

Оглавление

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	5
Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект.....	5
Лебедева И.В., Бичарова М.М. Особенности менталитета россиян.....	13
Салимов Д. Естественная философия Ф. Бэкона.....	26
СЕКЦИЯ 2. АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА.....	30
Баркова Э.В. Гуманитарный смысл антропного принципа в экофилософии.....	30
Бузская О.М. К исследованию пространства социальных коммуникаций: антропо-экологический аспект.....	38
Григорян А.Э. Проектное сознание в процессах формирования социальных коммуникаций.....	46
СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ....	53
Чернышева Е.Н. Проблемы содержания глобального образования.....	53

СЕКЦИЯ 1. ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 101.1

Ивлева М.И. Бытие человека с точки зрения субстанциального подхода: экологический аспект

Human being from the point of view of substance approach: ecological aspect

Ивлева Марина Ивановна
Российский экономический университет имени Г.В.Плеханова, г. Москва
stm602@yandex.ru

Ivleva Marina Ivanovna
Plekhanov Russian University of economics, Moscow

Аннотация. Целью статьи является анализ исследований специфики бытия человека в рамках субстанциального подхода философской школы Юрьевского университета как направления русской философии конца XIX – начала XX вв. При написании статьи использованы методы историко-философского анализа и сравнения. В статье исследуются идеи Г.Тейхмюллера, Я.Ф.Озе, Е.А.Боброва, В.С.Шилкарского о сущности субъекта как субстанции, и детерминированных этим подходом положений о человеке как таковом.

Abstract. The article purpose is to analyze the researches of human being specificity in the limits of the substance approach, used by philosophical school of Urjev University as the part of Russian philosophy in the end of XIX- beginning of the XX century. In the research, there were used methods of historical and philosophical analysis and comparison. The article investigates the ideas of G.Teichmuller, J.Ose, E.Bobrov, V.Szylkarsky about the essence of subject as the substance and ideas about man, determined by this approach.

Ключевые слова: экологический аспект, философская школа Юрьевского университета, Тейхмюллер, история философии, субъект, субстанция, спиритуализм.

Key words: ecological aspect, philosophical school of Urjev university,

Teichmuller, history of philosophy, subject, substance, spiritualism.

Экологический подход как принцип бережного сохранения историко-культурного наследия применим как к объектам материальной культуры, так и культуры духовной [1, 4, 5, 6]. Тщательное изучение, объяснение и истолкование феномена российской духовной культуры занимает в этом процессе особое место [2, 14], и здесь необходимо подчеркнуть, что русская философия, как источник и, одновременно, продукт интеллектуальной и художественной культурной сферы, является неотъемлемой и важнейшей частью этого феномена [7, 13].

В настоящей статье исследуются воззрения о специфике человеческого бытия ряда российских философов – представителей университетской философии второй половины XIX в. - начала XX в., составляющих единую традицию в истории русской философской мысли. Эти мыслители принадлежат к философской школе Юрьевского университета, основанной на субъективно-идеалистической традиции спиритуализма, направления, которое исходит из первичного постулата субъекта как субстанции и отрицает наличие субстанции материальной [8,9].

Философские школы, как объединения единомышленников вокруг духовного авторитета учителя-основоположника, не были широко представлены в русской философии. Тем интереснее проследить специфику взглядов представителей школы Юрьевского университета, которые объединены как приверженностью к исходным постулатам субъективного идеализма, так и преемственностью своих взглядов через ученичество у основателя школы – немецкого мыслителя Густава Тейхмюллера, приглашенного в Юрьев (в настоящее время – Тарту) для преподавания в местном университете.

Именно учение о бытии в целом, и бытии человека, в частности,

Тейхмюллер считает основой выработанной им оригинальной философской системы. Воззрения Тейхмюллера о бытии изложены им в программной работе «Действительный и кажущийся мир. Новое основание метафизики», появившейся в 1882 г. на немецком языке и впоследствии переведенной на русский язык.

Согласно Тейхмюллеру, важнейшим видом бытия является «Я», «сознание, данное в численном единстве, само себя сознающее основание соотношения для всего данного в сознании идейного и реального бытия» [12, с.94]. «Я» как сознание совпадает само с собой, а потому пребывает единым во всем и, соответственно, все с собой соотносит.

Оценивая предшествовавшее развитие философии, Тейхмюллер, считает, что другие философы, пытаясь определить, что такое «Я», полагали, что «Я» должно быть идентично совершаемым им психическим актам, либо образам представляемых человеком предметов. Но это смешение «Я» и его функций или даже результатов деятельности этих функций, ошибочно. По мнению Тейхмюллера, единство «Я» есть «субстанциальное единство», единство особого рода. «Я» осознает свою многогранность, осознает то, что оно существует во многих деятельности, различных по своему идейному бытию, не будучи простой суммой этих деятельностей. Во всех своих элементах оно содержится как нераздельное целое, представляющее, без которого не может быть представлений.

«Я» есть первая и единственная субстанция, которую мы знаем непосредственно во всех ее деятельности и в содержании ее деятельностей. Есть и еще один важный момент: единственным непосредственно доступным для «Я» объектом является оно само. Субъект-субстанция, пытаясь определить, какова окружающая его реальность, должен мыслить другие сущности, а единственно возможный путь, как это можно сделать – мышление по аналогии с самим собой.

Есть и еще один важный момент: единственным непосредственно доступным для «Я» объектом является оно само. Следовательно, человек, будучи

субъектом как субстанцией, пытаюсь определить, какова окружающая его реальность, должен мыслить другие сущности, а единственно возможный путь, каким образом это можно сделать – провести рассуждение по аналогии с самим собой.

Яков Фридрихович Озе (1860 - 1920) - ученик и последователь Г.Тейхмюллера. По окончании Юрьевского университета Озе стал магистром, а затем экстраординарным профессором философии и педагогики (1889 - 1918), и впоследствии деканом историко-филологического факультета Юрьевского университета.

Труд Озе «Проективизм и персонализм в метафизике Лотце» вначале публиковался на протяжении нескольких номеров «Ученых записок императорского Юрьевского университета» в 1895-1896 годах, а затем был опубликован отдельной книгой в 1896 году. Позиция автора полностью основана на философской системе Г.Тейхмюллера, исходя из которой, Озе предпринимает исследование философии Г.Лотце как предшественника мировоззрения своего учителя.

В обосновании своего понимания субстанциальности духовного субъекта Озе следует за своим учителем Тейхмюллером. В первую очередь, сущность этого субъекта состоит в непосредственном бытии-для-себя, или так называемом «самочувствии», которое лежит в основе существования «Я». Без переживания самочувствия, взятого само по себе, без какой бы то ни было интеллектуальной рефлексии, нет субъекта.

Эта идея воспринята Озе у Тейхмюллера, который, в свою очередь, воспринимает ее у своего учителя, Лотце. Интеллектуальная рефлексия самочувствия, «мысленное истолкование первобытной живости самочувствия» ведет к противопоставлению «Я» миру «не-Я» и тем самым выделению двух этих понятий через это противопоставление.

Самосознание, согласно Озе, это не просто продукт мышления как интеллектуальная рефлексия, но представляет собой единство двух элементов: непосредственно переживаемого и его отражения. Как пишет философ, «... в слове «самосознание» следует различать двоякое значение: во-первых, оно обозначает мысленный или познавательный образ субъекта о себе самом ... во-вторых, мы разумеем под ним непосредственно переживаемую уверенность субъекта в себе самом, т.е. бытие-для себя или самочувствие, которое предшествует всякому различительному отношению и противоположению между «Я» и другими существами» [11, с.127] .

Евгений Александрович Бобров (1867 - 1933), обучаясь в Юрьевском университете, занимался под личным руководством Г. Тейхмюллера. В 1893 г. он защищает диссертацию «Отношение искусства к науке и нравственности» и с сентября 1893 г. начинает работать доцентом философии Юрьевского университета, где читает курсы логики и психологии.

Продолжая развивать идеи своего учителя, Бобров формулирует понятие координального бытия. «К трем основопонятиям метафизики: субстанции, функции и идее – надобно, - говорит Бобров, - прибавить еще четвертое - координацию, которая все три другие понятия связывает воедино, именно в эту самую «трихотомию бытия», подобно тому, как в психической реальности координация связывает: субстанциальное единство, его акты и содержание последних в душу, в живое единство личности»[3, с.153] . Без «координации» мы не сумеем сконструировать ни мысли, ни личности, ни Вселенной. Ведь мысль есть координация элементов сознания. Личность есть координация функций души между собой с «Я». Вселенная есть координация существ между собою и с Богом. Как мы можем убедиться, «координация» у Боброва приобретает не только психический, но и космический смысл. Координация - это, попросту говоря, есть универсальный закон Вселенной.

По мнению философа, требование единства бытия, основанное на единстве субстанциального субъекта, нисколько не нарушается от того, что мы прибавляем еще один род бытия - бытие координальное. Координация может служить соотносительной точкой при соотнесении, результатом которого получается общее единство - бытие.

«Координация, - говорит Бобров,- немислима и не существует без субстанции, ибо без «Я» нет ни идейного, ни реального бытия, нет и системы разных «Я», то есть мира и Вселенной. Разнообразное идейное бытие координацией связывается между собой воедино, скрепляется с «Я» с его реальными актами, в которых это идейное бытие проявляется в сознании и вообще осуществляется» [3, с. 177].

Еще один представитель философской школы Юрьевского университета, Владимир Семенович Шилкарский (1884-1960), окончил Московский университет, где его учителем был известный русский философ-спиритуалист Л.М.Лопатин. Шилкарский был приват-доцентом в Юрьевском университете, а в 1917 году защищает там свою диссертацию «Основные решения проблемы сущего», продолжающую идеи Тейхмюллера. Свои онтологические воззрения Шилкарский излагает в значимом труде «Типологический метод в истории философии (Опыт обоснования)».

Как существенную характеристику субстанциального «Я», Шилкарский отмечает тот факт, что оно одновременно является и объектом, и субъектом познания, совмещает в себе как действительность, которая в силу своего неисчерпаемого богатства и разносторонности не совпадает с нашим мышлением и вследствие этого заставляет его развиваться в постижении истины, так и непосредственно сознание.

Библиографический список

1. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.

2. Баркова Э.В. Философия диалога культур как форма надежды на сохранение мира // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2015. С. 103-115.

3. Бобров Е. Бытие индивидуальное и бытие координальное. - Юрьев, 1900.

4. Бузская О.М. Социальная мембрана как принцип информационной экологии // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 161-163.

5. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.

6. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 297-300.

7. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчбасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А.. Новосибирск, 2016. С. 64-66.

8. Ивлева М.И. Концепция онтологического статуса субъекта в

университетской философии в России в конце XIX - начале XX в. // Вестник Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова. 2012. № 8. С. 28-35.

9. Ивлева М.И. Философская школа Юрьевского университета и ее место в российской философской культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 4. С. 35-40.

10. Мамедова Н.М. Традиции в социокультурной ретроспективе// Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 56-61.

11. Озе Я. Персонализм и проективизм в метафизике Лотце». Юрьев, 1896

12. Тейхмюллер Г. Действительный и кажущийся мир. Новое основание метафизики. Казань, 1913

13. Чернышева Е.Н. О роли и значении консервативных идей в обществе // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия - Запад - Восток Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина». Москва - Ярославль, 2015. С. 212-220.

14. Чернышева Е.Н. Перспективы междисциплинарного подхода в экономической науке // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 1 (5). С. 85-90.

15. Шилкарский В.С. Проблема сущего. Юрьев, тип. К. Матиссена, 1917

Лебедева И.В., Бичарова М.М. Особенности менталитета россиян

The specificity of russian mentality

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат
социологических наук, доцент
Бичарова Мария Михайловна, кандидат
филологических наук, доцент
Каспийский институт морского и речного
транспорта

Lebedeva Irena Va., Sc.D. (sociology), docent
Bicharova Maria M. Sc.D. (philology), docent
Caspian Institute of Sea and River Transport

Аннотация. Эпоха глобальных социальных перемен напрямую связана с изменениями в сознании людей. Процесс этот носит общепланетарный характер, выходящий за рамки внутригосударственного развития. Социальные потрясения 80-90-х годов XX века многих заставили исследователей по-новому посмотреть на происходящее в России. Появились новые исследовательские модели и терминология. Стало возможно рассматривать процессы, протекающие в обществе, через призму социологическо-культурологических понятий. Подобный подход позволяет увидеть связь между системными трансформациями социума и изменениями в мировоззрении людей.

Ключевые слова: менталитет, российское общество, трансформации, российский менталитет, русский народ, русский язык

Abstract. Modern research interpret the mentality as a spiritual basis of personality represented on the deep level of consciousness. As part of a systematic approach it can be regarded as the embodiment of the basic algorithm of the society.

Orienting human activity on the value scale, adequate to the needs of survival and contributing to the rejection of alien cultural artifacts, he unites the social aggregation. Over time, a typical way of life within the system (its algorithm) can be minimized, but the content side with all the ins and outs of broadcast to other activities.

Keywords: the mentality of Russian society, the transformation, the Russian mentality, the Russian people, the Russian language

Менталитет, как научное понятие, имеет большой аналитический потенциал и высокий философско-культурный статус. Приоритет в постановке проблемы менталитета принадлежит школе «Анналов» (М. Блок, Л. Февр, Л. Леви-Брюль). Изначальные трактовки «менталитета», характеризующие образ мышления и поведения людей на ранних стадиях культурной эволюции, где бессознательное превалирует над сознательным, отразились и на последующих попытках его определения как слабо рефлекслируемого пласта сознания. На формирование менталитета влияют многочисленные факторы, характеризующие природную и социальную среды обитания человека. Среди таких факторов есть вполне осознаваемые и рационализируемые человеком, а есть и подсознательные.

Большинство исследований менталитета, отмечая его целостность, говорят о наличии качественного ядра. Все составляющие менталитета выстраиваются в единую структуру, определяющую предрасположенность мыслить, воспринимать мир определенным образом и действовать в соответствии с предпочитаемыми ценностями. Менталитет – духовная основа человека, определяющая (осознанно и неосознанно) весь алгоритм его жизнедеятельности.

Формирование менталитета процесс длительный. История общества, традиции, коды культуры, стандарты поведения, стиль мышления складываются веками. Данные факторы влияют на человека, «просачиваются» в него, превращаясь в ментальные черты. Обычно это не осознаваемый процесс, а если и

осознаваемый, то не вполне оцениваемый. Будучи устойчивой основой личности, менталитет, с одной стороны, определяет принятие человеком каких-либо решений, ценностных моделей. С другой, способствует отторжению чуждых стандартов поведения, идей.

В русской философской литературе термин «менталитет» почти не использовался, но проблема изучения «национального характера» поднималась. Своеобразным аналогом понятию «менталитет» выступало «самосознание» (Н. А. Бердяев, С.Н.Булгаков, Н.Я. Данилевский, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, Н.С. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и др.). Самосознание чаще всего понималось ими как единство «мысли» и «воли», т.е. интеллектуального и экзистенциального начал: что человек мыслит и как он поступает. Русские философы исследовали пути и причины формирования российских ментальных ценностей, особенности эволюции национального характера, формирование «русской идеи» и т.д.

В советское время проблема менталитета исследовалась мало. Интерес к ней активировался в 80-90-е годы XX века. Среди современных работ, привлечших внимание, можно выделить фундаментальные исследования ментальной специфики российского общества следующих авторов: Апресяна Р.Г., А.С. Ахиезера, В.С. Барулина, О.Г. Дробницкого, П.С. Гуревича, А.А. Гусейнова, В.В. Ильина и др.). А также исследования, рассматривающие ценностно-нормативный механизм регуляции социальных отношений в трансформирующемся обществе (А.С. Ахиезер, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин и др.) В них рассматриваются различные аспекты менталитета, обосновывается целесообразность использования данного понятия. Однако многие важные теоретические проблемы, касающиеся сущности менталитета, остаются предметом острых научных дискуссий, требуя новых подходов в изучении. В частности, исследователями мало используется продуктивное сочетание

системного и аксиологического подходов для анализа менталитета в трансформирующемся российском обществе.

Ментальность – это определенная сумма характеристик индивидуального сознания. Она играет инструментальную роль, формируя способы ориентации в общем ценностном наборе, помогая выстроить иерархию предпочтений. Поэтому у носителей одного и того же менталитета могут быть выработаны заметно отличающиеся друг от друга ценностные ориентации. Менталитет и ментальность соотносятся как часть и целое: менталитет, как некое целое и обобщающее понятие проявляется через конкретные, единичные ментальности.

Экстраполируя общетеоретические наработки понятия менталитет на российскую социокультурную почву, обозначим, что именно мы будем понимать под словосочетанием «российский менталитет». Это система социокультурных ценностных установок и моделей поведения значительной группы людей в границах всего российского государства, а не только лишь русского этнического ядра. [4]

В частной жизни отдельного человека диапазон проявления ментальных черт чрезвычайно широк. Некоторые черты менталитета могут вообще не проявляться, что свидетельствует о том, что в рассуждениях о менталитете недопустима категоричность. Речь может идти лишь о тенденциях.

В то же время, как тенденция, склонность к проявлению тех или иных черт менталитета может проявляться в деятельности представителей любых социальных слоев общества. Менталитет – сквозное понятие для всех общественных институтов и структур.

Историко-социальный и антропо-культурный опыт прошлого нашей страны заставляет подходить к оценке качеств российского менталитета более объективно, учитывая как созидательно - позитивные, так и деструктивно - разрушительные его черты в их сложном взаимодействии.

Об этой проблеме писал Н.А. Бердяев: «Россию и русский народ можно охарактеризовать лишь противоречиями. ... Эта противоречивость создана всей русской историей и вечным конфликтом инстинкта государственного могущества с инстинктом свободолюбия и правдолюбия народа».[1]

Как уже отмечалось, набор ценностей в социокультурной системе трансформируется в соответствии с потребностями наступившего цивилизационного цикла.

Ценностно-нормативное ядро формирует сферическую структуру менталитета, слои которой можно обосновать применительно к российской действительности, в особенности провинциальной [2].

Первый слой структуры менталитета наиболее древний. Это нерелексируемый пласт, формирующийся на уровне коллективного бессознательного. Здесь менталитет характеризуется таким ценностным набором как: приоритет рода, власть старших, почитание предков, богов, представления о женской чести, мужской доблести и т.д. Именно в этом слое менталитета складываются первые представления, пробуждающие самосознание человека. Индивид включает в свой формирующийся внутренний мир ценности, характерные для своей референтной группы (этнической общности). Такое приобщение человека влияет на стиль поведения и уровень знаний, формируя восприятие мира.

В данном контексте можно вспомнить высказывание В.Н. Муравьева: «Основой мирозерцания человека Древней Руси была цельность духа. Русский человек вечно бросался в крайность, творил одновременно преступления и духовные подвиги. Но не было в нем раздвоенности между мыслью и действием. Для него мысль, ощущение, чувство действия, из них вытекающие - были тождественны. В русской истории поражает странная черта, кажущаяся на первый взгляд отсутствием сознательности». [5] На этом глубинном уровне менталитета

формируются так называемые «модели мира». В сердцевине сознания жителя современной российской провинции находятся отголоски максималистической ориентации на абсолютные ценности, порождающие и аналогичное отношение к абсолютной власти, что органично вписывается в потребности жизнеобеспечения иерархической системы.

На уровне первого ментального слоя в сознании человека формируется понимание того, что другие люди разделяют схожие представления. Это влияет на организацию межличностного взаимодействия, по-особому выстраивая язык, логику и психику людей. Возможно, что именно здесь кроются корни представлений о патриотизме, который всегда занимал важное место в российской системе ценностей, означая демонстрацию причастности, эмоциональной привязанности к своему роду, народу, отечеству в целом. При этом российский патриотизм - не агрессивен, лишен эгоизма титульной нации.

Все перечисленные феномены активны и в современном российском социуме, которому присущ также характер иерархической коммуникации. Люди, живущие сегодня в российской глубинке, слабо поддаются воздействиям не несущим привычной ценностной нагрузки. Возможно это одна из причин, по которым преобразовательные политические воздействия, социальные реформации неизбежно «буксуют» в нашей консервативной среде.

Второй слой менталитета – характеризует специфику самосознания конкретной социальной общности, ее духовных ценностей. На этом уровне формируется способность человека (группы) к рефлексии. Проявляется коллективная идентичность, соотнесение с другими социальными общностями, понимание социокультурного пространства. [8]

Третий слой менталитета – это социальный отклик, отражающий макросоциальный уровень. Он формируется реакцией людей на такие символические и функциональные социальные образования как политика, власть,

государство. Для российского менталитета, соответствующего ценностям иерархической социокультурной системы, характерно пассивно-соглашательное отношение к перечисленным институтам. Представления о власти здесь находятся под влиянием мощнейших архаических пластов. Общественное сознание еще хранит черты, свойственные ранним цивилизационным циклам: спонтанные реакции на окружающий мир, нечеткое различение реальности и собственного вымысла, архаические страхи, чувство личной беспомощности и т.п.

Как известно, мир архаического человека дуалистичен: все принадлежит либо светлому началу, либо темному. Отсюда и наивное (с рационалистической точки зрения) деление на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов». Эти принципы в какой-то мере определяют отношение россиян к политике и действиям власти в целом. Политика часто мыслится у нас не как пространство диалога, а как арена борьбы сил «добра» и «зла», «правильного» и «неправильного».

Такие ценности как порядок и закон, слиты с понятием высшей справедливости (соотносимой с душой всей системы, ее основным алгоритмом). Поэтому власть и олицетворяющий ее источник (глава подсистемы управления), постепенно становятся значимой культурной ценностью, воспринимаясь как нечто почти сакральное. «Хороший» правитель в российском представлении одновременно и эталон справедливости. Это представление бытует в российской периферии по сей день. И сегодня мы можем видеть искренние, пламенные и в чем-то наивные призывы к главе государства, содержащие веру в возможную справедливость.[6]

Последний, метасоциальный слой менталитета, характеризует этнокультурную ориентацию вовне. Здесь речь идет о всеобъемлющей национальной идее. Например, «Москва- Третий Рим», «СССР – оплот мира», «Россия – единая и неделимая». Этот, исторически изменяющийся символический ряд, несет в себе характеристику рефлексий социального пространства.

О «русской душе» и особенностях российского характера написано много. И, тем не менее, менталитет жителей России остается удивительным феноменом и исследуется каждым новым поколением ученых. Противоречивость и непредсказуемость россиян, особенности их коммуникации и социальной активности для многих исследователей являются базовыми понятиями в анализе «русского характера». Но, на наш взгляд, и поведение, и общение, и этический строй, и даже избранный тип управления во всех социальных институтах входят в общий комплексный стереотип (алгоритм) выживания народа. Истоки его кроются в среде обитания и обусловленном ими типе хозяйственной деятельности.[8]

Российское бытие исторически сложилось как слабо регламентируемое, хотя цели существования человека и сообщества имеются, конечно, и здесь, но не выражены вербально так же четко, как в плюралистических социокультурных системах. В большинстве ситуаций цель существования формулируется как неопределенная «надежда на что-либо лучшее», «авось, Бог даст» и т.п.

В связи с этим, рациональное в жизни российского человека не всегда имеет первостепенное значение. По сей день, повышенная деятельностная активность, чаще всего, вызывается воздействием на эмоциональную сферу.

Однако время вносит свои коррективы и сегодня рациональный подход и материальная выгода приобретают большое значение для российского человека. Но и эмоциональная сторона мотиваций деятельности россиян остается значимой. Можно предположить, что само стремление к материальной выгоде у жителей нашей страны в большей степени эмоционально, нежели рационально.

Рациональная мотивация характеризуется четко поставленной целью и продуманным планом ее поэтапного достижения, исходя из принципа минимизации затрат. В случае эмоциональной мотивации человек действует, находясь «под впечатлением», будучи захвачен определенной идеей, не просчитывая этапы достижения цели, стремится к ней, не считаясь с затратами. В

первом случае, рационально ориентированный человек стремится сохранить энергию, во втором – растратить ее.

Так, в последнее время у российского человека есть весьма мощный по силе эмоционального воздействия образ – «жизнь как за границей» (или просто «за границей», или хотя бы «в столице»). В этом смутном образе, как и в идее коммунизма или «светлого будущего», присутствует одно общее качество – неопределенность цели в сочетании с ее желанностью.[7]

Западный аналитический подход к миру постепенно расчленяет реальность, лишая ее целостности. Это уместно в процессе научного познания, но перенос такого подхода в мир повседневности превращает человека в скептика. В мировой литературе ярчайшим примером подобного превращения является шекспировский Гамлет. Среди русских литературных персонажей таких образов почти нет, зато в избытке присутствуют фанатики, догматики и инфантильные неприспособленные к миру люди.

Специфическая российская активность, закреплённая в глубинных слоях менталитета, проявляется в трех состояниях: отчаяние, удадь, лень.

Отчаяние рождается от ощущения безысходности, проявляясь в игнорировании опасности, в желании смести имеющиеся препятствия (крестьянские бунты или атаки штрафных батальонов). Но это состояние проявляется редко, так как для его возникновения требуется специфический набор условий. Да и общая терпеливость, пассивность и неконфликтность российского человека нивелирует, большую часть ведущих к отчаянию ситуаций. Отчаяние «включается», когда потеряна возможность стремиться к экзистенциальным ценностям. Эти ценности могут быть сугубо индивидуальны, но их утрата воспринимается как утрата смысла жизни, поскольку олицетворяет невозможность сохранять прежний тип коммуникации. Позиция «как я смогу с этим жить, как я буду людям в глаза смотреть?» - наиболее распространенный у нас вариант

вербализации процесса потери смысложизненных ориентиров.[9]

Экзистенциальные ценности русского человека касаются не только его личности, но в значительной степени и общества. Население России терпеливо относится к разным унижениям. Ущемления материального характера, физическое насилие, нарушение гражданских прав людей и их достоинства не часто приводят в нашей стране к серьезным всплескам активности населения. Энергия отчаяния активизируется на преодоление трудностей только в случае потери большинства экзистенциальных ценностей. Отчаянию по характеру проявления близка удадь. Она также импульсивна. Однако удадь не стремится осуществить «прорыв» через препятствия, а скорее демонстрирует эмоциональный «порыв». Этот российский вариант энтузиазма, представляет собой свободную игру творческих сил, осуществляемую, как правило, в коллективном взаимодействии.

Обратная сторона импульсивной активности - бездеятельная и мечтательная лень. Активность здесь трансформирована в созерцательность (свойственную восточным культурам). Нарушение этого состояния извне не порождает позитивной активности, а чаще ведет к мрачному недовольству, но тоже бездеятельному. Пассивно-созерцательное состояние содержит два потенциала активности: романтизм, который под воздействием «вызова извне» может преобразоваться в удадь, и мрачный пессимизм, трансформирующийся в отчаяние. Это своеобразная модель «русской бифуркации» в сложноорганизованной системе: фиксированный импульс на входе не гарантирует идентичного импульса на выходе. И, тем не менее, в нашей культуре сформировался стимул, превращающий лень в свою противоположность – это организационное централизованное принуждение, иногда физическое. Такая динамика активности свойственна нашему обществу в целом. Вполне в российском характере откладывать какое-либо дело на последний срок (результат лени), загоняя себя, тем самым, в отчаянное положение. Потом наступает лихорадочное

наверстывание. Достижение первых результатов дает ощущение удовлетворённости, преобразуя энергию отчаяния в энергию удали. В таком состоянии человек испытывает прилив сил и ощущение жизненной полноты, но с угасанием всплеска активности, снова проваливается в бездеятельность и пассивность.

Как видим, этот общий алгоритм действия, и стандартные модели поведения, влияющие на национальный характер, вытекают из первоначального способа хозяйственной деятельности, закрепившего в сознании россиян стереотип импульсивности. Необходимость за короткий летний период освоить значительную плодородную территорию, посеять и собрать урожай, осуществить заготовки на долгую зиму, безусловно, требовали от наших предков предельного напряжения. Потребность же экономить силы, побуждала чаще обходить возникавшие на пути препятствия, а не преодолевать их.

По такому алгоритму осуществлялась и колонизация новых земель. Россияне не преобразовывали новые пространства под свой формат, с рационалистическим упорством и педантизмом (как европейцы или американцы), а просто «обтекали», «обходили» их и присоединяли к российской державе, в целом сохраняя народам, жившим на данных территориях, их собственную этнокультурную идентичность, лишь постепенно их ассимилируя. Этот поведенческий стереотип сформировал и особый стиль мышления – избегание навязанных правил, нежелание принимать формальный запрет и рационально стандартизованную среду. Таким образом, для российского менталитета свойственно не противостояние правилам и запретам, а уход от них. Это заметно и в народном фольклоре: в русских сказках формальным препятствиям часто противопоставляется смекалка, то есть действия не по правилам.[9]

Из этих исторических ментальных посылок вытекает и современное отношение россиян к окружающей действительности. Сегодняшний мир

цивилизован и регламентирован. Но российский человек, в большинстве случаев, по-прежнему воспринимает его эмоционально. Западные рации- стандарты для основной массы российского населения не являются непреложными, а видятся скорее как препятствия, которые надо обойти. Русский крестьянин не добивался снижения податей правовыми методами, а уходил от притеснений в отдаленные районы. Современный российский бизнесмен также не часто апеллирует к судебным инстанциям, возмущаясь налоговым прессингом, он «просто» укрывает налоги.

Российский менталитет отражает систему ценностных установок всех россиян (как русского этнического ядра, так и других этносов, исторически входящих в состав социокультурного пространства нашей страны). Его нормативное ядро имеет послойно-сферическую структуру, объединенную значимостью коллективного способа выживания. Ведущая черта российского менталитета - импульсивность, обусловлена типом хозяйственной деятельности (высокой коллективной трудовой активностью летом и сниженной зимой). Она изначально не вписывается в регламентированную реальность плюралистических систем. Многолетнее прозападное реформирование повлияло на ценностную шкалу сегодняшних жителей российской провинции. Однако даже при явном росте рационализации, в сознании современных жителей российской периферии доминирует импульсивно – эмоциональная мотивация к деятельности. Не утрачена и значимость коллективного мировосприятия. Хотя, принявшая ценности западных социокультурных систем финансовая элита страны, как в центре, так и в провинции, живет в соответствии с новыми жизненными ориентирами, усиливая неоднородность поведенческих паттернов в социокультурном пространстве сегодняшней России.[7]

Российское общество сегодня нуждается в общенациональной солидаризирующей идеологии, которая не может быть внедрена «извне», как

результат модернизации. Такая идеология произрастает сама, из доминирующих общественных настроений, из массовой психологии, обусловленной веками складывавшейся ценностной парадигмой российской социальной системы иерархического типа. И если России все же предстоит вновь обрести достойное место в мировом сообществе, то только идя собственным путем, опираясь на историко-культурные традиции, на национальную ментальность, способную задать имманентное направление дальнейшему развитию системы.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. - С. 15.
2. Гринева С. В. Ценности и национальные идеи в российском менталитете. Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004г.). Материалы выступлений. - Бишкек, 2004. - С.270-274.
3. Карабущенко П.Л. Заговор элит (элиты по ту сторону политического зазеркалья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (31).2012. С.253-262.
4. Марков А.П. Аксиологические и антропологические ресурсы национально-культурной идентичности. – СПб., 2000. - С.18.
5. Муравьев В.Н. Рев племени. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. - М., 1990. - С. 188.
6. Приорова И.В., Амирханян А.М, Лебедева И.В. Языковая, социальная и политическая констелляция в условиях переходности «чужого» в «свое» // [Каспийский регион: политика, экономика, культура](#). 2014. №1 (35). С. 145-151
7. Фролова Ю.С. Социокультурные изменения современной российской полиэтнической провинции. // Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Московский государственный университет им. М.В.

Ломоносова (МГУ). Москва, 2007

8. Фролова Ю.С., Лебедева И.В. Феномен российского ресентимента // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. Астрахань, 2011. С.34-38.

9. Фролова Ю.С., Лебедева И.В. Взаимосвязь феноменов бедности и ресентимента в социуме // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 327-333.

УДК 177

Салимов Д. Естественная философия Ф. Бэкона

Салимов Джамшед
студент
Кургантюбинский государственный университет,
Таджикистан

Natural Philosophy of Francis Bacon
Salimov Chamshed
student
Tyube Kurgan State University, Tajikistan

Аннотация: Френсис Бэкон (1561-1626) считается основателем опытной науки Нового времени. Он был первым философом, поставившим перед собой задачу создать научный метод. В его философии впервые сформулированы главные принципы, характеризующие философию Нового времени.

Ключевые слова: философия Бэкона, естественная философия, материализм .

Abstract: Francis Bacon (1561-1626) is considered the founder of experimental science in modern times. He was the first philosopher to set a goal to create a scientific method. In his philosophy first formulated the main principles which characterize the philosophy of the New Age.

Keywords: philosophy of Bacon, natural philosophy, materialism.

Francis Bacon (1561-1626) is considered the founder of experimental science in

modern times. He was the first philosopher to set a goal to create a scientific method. In his philosophy first formulated the main principles which characterize the philosophy of the New Age.

Bacon came from a noble family, and throughout his life engaged in social and political activities: he was a lawyer, a member of the House of Commons, the Lord Chancellor of England. From the very beginning of his artistic career Bacon opposed the prevailing at the time of scholastic philosophy and put forth the doctrine of "natural" philosophy, based on experimental knowledge. Bacon's views were formed on the basis of the achievements of the natural philosophy of the Renaissance. He offered an extensive program of restructuring of the intellectual world, subjected to sharp criticism the concept of prior scholastic and contemporary philosophy. Bacon sought to cause "mental borders of the world" in compliance with all the enormous advances that have taken place in modern society Bacon XV-XVI centuries, when most developed experimental science. Bacon expressed the solution to the problem of trying to "the great restoration of Sciences", which is set out in the treatises: "On the dignity and enhancement of Sciences" (the largest his work), "New Organon" (its main product) and other works on the "natural history" considering the individual phenomena and processes of nature.

Understanding the science Bacon included, above all, a new classification of sciences, the basis of which he put these abilities of the human soul as memory, imagination (imagination) mind. Accordingly, the main science, according to Bacon, should be history, poetry, philosophy. The highest task of knowledge of all the sciences, according to Bacon, - the domination of nature and the improvement of human life.

Bacon believed that "knowledge - force, but only the knowledge that is true." Therefore, he holds the distinction of two types of experience: a fruitful and luminous. First - it is such experiences that bring immediate benefit to man, luminous - those whose aim is the knowledge of the deep ties of nature, the laws of phenomena,

properties of things. The second kind of experiments Bacon considered more valuable, because without them it is impossible to carry out fruitful results of the experiments. The unreliability of the knowledge obtained by us due to, according to Bacon, a dubious form of evidence. Bacon's method consisted in the gradual formation of new concepts by interpreting the facts and phenomena of nature. Only with the help of this method, according to Bacon, you can discover new truths, and not stagnate.

Although the problem of induction was put before preceding philosophers, Bacon only she gets utmost importance to and supports primary means of knowledge of nature. The inductive method of Bacon as a necessary step includes the collection of facts and their classification. Bacon put forward the idea of drawing up a 3-study tables: tables of presence, absence, and intermediate stages. If you - take the favorite example of Bacon - who wants to find a formula for the heat, it collects in the first table of various cases of heat in an effort to weed out everything that is not related to the heat. In the second table, he brings together cases that are similar to the cases in the first, but do not have heat. For example, in the first table can be included sun that create the heat in the second rays coming from the moon or stars, which do not generate heat. On this basis one can distinguish all those things that are present when heat is present, finally in the third table collect cases in which heat present in varying degrees.

Using these three tables together, we can, according to Bacon, find out the cause, which is the basis of heat - namely, in the opinion of Bacon - movement. This reflects the principle of the study of the general properties of phenomena, their analysis. In Bacon's inductive method includes conducting an experiment. At the end of his life Bacon wrote a book on utopian state, "The New Atlantis" (published posthumously in 1627). In this work he represented the future of the state, in which all the productive forces of society transformed by science and technology.

Influence of the philosophy of Bacon on the contemporary science and the subsequent development of philosophy is huge. His analytical scientific method for

studying the phenomena of nature, the development of the concept of the need for its experimental study played a positive role in the achievements of natural science XVI-XVII centuries. The logical method of Bacon has given impetus to the development of inductive logic.

СЕКЦИЯ 2. АНАЛИЗ И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

УДК 130.122

Баркова Э.В. Гуманитарный смысл антропного принципа в экофилософии

Humane sense of anthropic principle in ecophilosophy

Баркова Элеонора Владиленовна
Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова,
г. Москва
barkova3000@yandex.ru

Barkova Eleonora Vladilenovna
Plekhanov Russian University of
Economics, Moscow

Аннотация. В контексте экофилософии обоснован гуманитарный смысл антропного принципа – свидетельства незавершенности Вселенной вне бытия человека, его природы и культуры.

Ключевые слова: антропный принцип, экофилософия, связь, субъект, человек, культура, гуманитарное пространство

Abstract. In the Ecophilosophy context it is substantiated the humane sense of the anthropic principle as an evidence of the incomplete universe without human being and its nature and culture.

Keywords: anthropic principle ecophilosophers, communication, person, people, culture, humanitarian space

В процессах самоопределения и самосознания человека, установления его

места в мире через деятельность, творчество, познание, постановку целей и задач важной проблемой всегда было обоснование соответствия между субъектом и объектом, нахождение в этом пространстве все более глубоких связей и соотношений. Философия, наука, социальная практика с разных позиций выявили двойственность положения человека: с одной стороны, он выделен из мира вещей, противопоставит им как субъект, но с другой – органически встроен в систему вещей и отношений, выступает как носитель и проводник их логики и особенностей их развития.

Эта двойственность и противоречивость в отношении «человек-природа» была преодолена введением *антропного принципа*, который, как известно, открывает внутреннюю существенную связь между масштабными свойствами нашей Вселенной, Метагалактики, Земли и бытием человека, в том числе и как наблюдателя, способного к рефлексии целостности Вселенной, себя как ее части и специфики своего отношения к самому мироотношению. Антропный принцип давно стал общим местом и учитывается в современном естествознании, простираясь от всеобщности принципа познаваемости мира и связанных с ним научных картин мира до космологических моделей Вселенной и исследований свойств микромира. Его эвристический и методологический смысл играет существенную роль в раскрытии различных физических констант, которые определяют устойчивость материальных систем и целостности Вселенной, раскрывает принципиальную соизмеримость человека с основаниями и формами развития мироздания.

Однако универсальность этого принципа и особенно его гуманитарные аспекты до последнего времени были недостаточно осмыслены применительно к пространству культуры, к миру искусства, вообще к деятельности человека [9]. Суть дела не просто в том, что все эти формы культуры и социума созданы человеком и не противопоставляются ему как нечто «иное» - природа, космос, а в том, что

он фактически *«растворяется» в структурах повседневности*, которая – особенно сегодня – оказывается далекой от идеалов самого человека, его высокой миссии в мире. Парадоксальным образом те цели, которые люди закладывают в свою деятельность, оказываются не только снятыми в этой деятельности, но и подчиненными тем более низким параметрам и факторам, которые возникают в самом этом процессе. Так, творчество и свобода, попадая в зависимость от массового потребления и современных инструментов адаптации к среде, утрачивают свой человеческий смысл и девальвируются [12]; принцип удовольствия вытесняет принцип реальности; массовая культура вытесняет и девальвирует подлинную культуру.

Возникает вопрос: способен ли антропный принцип в этом пространстве повседневности восстановить приоритеты человека над миром овеществленной среды, преодолеть господство превращенных форм жизнедеятельности и поставить их в реальное соизмерение с высокими целями и идеалами человека, сделать их проводниками подлинной свободы, критического мышления, человечности и гуманизма?

Прежде всего, отметим, что антропный принцип в его естественнонаучном осмыслении сохраняет значение и статус человека как наблюдателя, его места и функции в изучении все более глубинных и сложных свойств космоса. Как подчеркивает Я.В.Тарароев, «наличие» антропного объяснения в космологии и связанной с ней теории струн М-теории, проблема наблюдателя в квантовой физике, проблема операциональных измерений в ОТО и СТО говорят о том, что физическое знание приобретает все более заметную «антропологическую составляющую» вне которой физико-космологическое знание не может в полной мере раскрыть свое научное содержание». [1]. С Следовательно, в современной науке все более важный смысл приобретает не только отношение субъекта познания к объекту, но *отношение объекта к бытию человека*, их соизмеримость.

Сохранение в современном естествознании значения и роли антропного принципа - важное условие как лидирующей роли науки в современном обществе, так и значимости ее практических результатов. Но, как уже было отмечено, в социуме и культуре это требование не выполняется: здесь человек «снят» как духовно-нравственная норма социокультурного бытия, как творец и преобразователь реальности в направлении идеалов гуманизма и человечности.

Отсутствие этой нормы в философии и искусстве XX века сразу же обернулось самым широким распространением сначала модернизма, а позднее – с 70-х годов XX века – постмодернизма, в котором реальность и человек практически утратили свое эстетическое измерение, направленность на возвышение социального и природного бытия. Опыт устранения меры человеческого в культуре XX века сразу же показал, что без этой составляющей культура и искусство деградируют.

Ответом на востребованность в возрождении этой меры и становится анализ антропного принципа в современной экофилософии как всеобщей форме культуры, исследующей на уровне всеобщего органические, необходимые и существенные связи человека, культуры, общества, природы и космоса. [2].

Для развития экофилософской картины мира, построенной на основе гуманитарного смысла антропного принципа, важным оказывается наследие крупнейших гуманистов XX века – Альберта Швейцера, Томаса Манна, Анатоля Франса, Тейара де Шардена, Н.Рериха и др., которые выделили базовые ценности человека и культуры и возвысили их до уровня высших норм реальности. Так, этика «благоговения перед жизнью», которую разработал А.Швейцер, выступает не только как основа современной экологической культуры, как внутренняя составляющая ноосферы, но как принцип практического гуманизма: защищать жизнь во всех ее проявлениях, и, конечно, жизнь человека в первую очередь. Сам Швейцер был практикующим врачом, который в глухой африканской провинции

безвозмездно лечил больных. Но благоговение перед жизнью – это внутренний импульс и «нерв» экоориентированной мысли и культуры культуры, которая должна рассматривать не только саму реальность жизни как таковую, но поставить ее перед новой идеей человека как проектом и образом будущего в настоящем, сохранить меру человеческого как высшую культурно-нравственную и духовную реальность. [3].

Но отсутствие центральной позиции человека в пространстве-времени своего бытия и культуре приводит к еще одному деструктивному результату: современный человек все больше утрачивает способность видеть мир сквозь призму великих достижений искусства, он все более воспринимает его проявления в терминах физиологии, психологии и даже физики. В.А.Крючкова пишет: «В XX столетии обращение к мистике, к высшему миру духовных сущностей случалось не часто и воспринималось как реликтовый остаток прошлого. Искусство отказалось от аллегорий, от намеков на запредельный, недоступный земному глазу мир. Лексика идеалистической метафизики иногда использовалась, но, скорее, в качестве метафор. Идея незримого, ускользающего от чувственного восприятия возникала снова и снова, но теперь она означала не потусторонние сущности, не идеальные субстанции, но *ограничения и загадки зрительного восприятия*». [6].

Из этого следует, что человек должен «присутствовать» в обществе и культуре как некая высшая норма, которая одновременно и существует в данной социокультурной системе, и дистанцируется, выделяется из нее. Перефразируя известное высказывание Ф.М.Достоевского «если Бога нет, то все дозволено», можно сказать, что *если человека нет, то все дозволено*. Масштабы этой вседозволенности сегодня уже обнаружили свою агрессивную и враждебную для человека сущность: системный экологический кризис, охвативший сферы природы, культуры и экологии самого человека, обострение всех глобальных проблем, разрушение принципов нравственности, конвертирование многообразия

духовно-культурного постижения реальности в узкие рамки коммерциализации и потребительского интереса поставили перспективы сохранения человека под вопрос.

Сегодня в культуре, поэтому, обнаруживается альтернатива, предполагающая два возможных вектора развития: либо она продолжает функционировать на основе «оцифровывания» культуры, общества и человека, развития деятельности в направлении создания все новых технико-технологических систем искусственно формируемой среды, что грозит полным исчезновением человека как высшей меры и проводника гармонизации космоса, природы, социума, культуры с ее духовно-нравственной реальностью и традициями, либо человек переосмысливает свою миссию и изменяет содержание своей жизни и культуры в контексте развития антропного принципа, что поворачивает ее в русло ценностно-человеческого, гуманистического регулятора современного глобального развития планетарного социума.

Смысл и направления включения антропного принципа в культуры народов мира разнообразны. Это и разработка и реализация принципов социальной и культурной экологии, и культурное осмысление полета человека в Космос, и перевод этики сотрудничества и ненасилия в пространство образования и воспитания, и формирование ноосферного мировоззрения с его гуманитаризацией научного разума и др. При всех разнообразиях проявления антропного принципа сегодня представляется важным осмыслить его как основание единства космоса, общества, человека и культуры, как проявление той целостности, понятой в контексте холизма, которая выступает высшим культурно-гуманистическим регулятором процесса развития человека, его природы, культуры и общества.

Антропный принцип и его гуманитарные аспекты в пространстве философии и культуры проявляются в мировоззренческом, методологическом, символическом, ценностном и других ракурсах. А его экофилософское

исследование выявляет потенциал культуры как универсума проекций и связей человека, как пространство, в котором она и ее высшие достижения оказываются онтологически совместимы с проявлениями бытия, Земли, ее природы и культуры, что открывает бесконечные горизонты и перспективы человека.

Библиографический список

1. Тарароев Я.В. Современная космология: от универсума к мультиверсу. / Современная космология: философские горизонты. М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 304. // <http://libatriam.net/read/537024/>
2. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.
3. Баркова Э.В. К возрождению человеческого измерения в современной философии // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 1 (42). С. 245-249.
4. Баркова Э.В. Творческая природа человека как проблема реконструктивной философской антропологии // Общество и человек. 2014. № 2 (8). С. 121-127.
5. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. - Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2003
6. Крючкова В.А. Увидеть невидимое: эстетика возникновения-исчезновения в искусстве XX века / Художественная аура: истоки, восприятие, мифология. – М.: «Индрик», 2011. С. 87.
7. Бузская О.М. Современные социокультурные коммуникации: эколого-аксиологическое измерение: диссертация ... кандидата философских наук :

09.00.13 / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2014

8. Бузская О.М. Социальная мембрана как принцип информационной экологии // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 161-163.

9. Ивлева М.И. Концепция онтологического статуса субъекта в университетской философии в России в конце XIX - начале XX в. // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2012. № 8. С. 28-35.

10. Ивлева М.И. Этические взгляды Аласдайра Макинтайра. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 1994

11. Чернышева Е.Н. О роли и значении консервативных идей в обществе // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия - Запад - Восток Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения». ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина». Москва - Ярославль, 2015. С. 212-220.

12. Чернышева Е.Н. Пространство потоков и структура глобального мира // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 11 (65). С. 38-43.

Бузская О.М. К исследованию пространства социальных коммуникаций: антропо-экологический аспект

On the study of the space of social communications: anthropo-ecological aspect

Бузская Ольга Маратовна
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
olga.buzskaya@yandex.ru
Buzskaya Olga Maratovna
Plekhanov Russian University of
Economics, Moscow

Аннотация. Статья раскрывает некоторые модели социальных коммуникаций с точки зрения диалогичности. Автор подчеркивает важностью формирования экологии коммуникаций в социально-коммуникативные процессы.

Ключевые слова: социальные коммуникации, коммуникативные модели, экология коммуникации, диалог.

Abstract. The article reveals some models of social communication from the perspective of dialogic. The author emphasizes the importance of the formation of communicative ecology in social and communicative processes.

Keywords: social communication, communication models, ecology of communication, dialogue.

Современное информационное общество функционирует как разносторонняя сеть различных потоков коммуникаций, которые в той или иной степени существуют через взаимопереводимые программы и проблемы. В ней возникают как различные инновации, достижения, формы социальных отношений, так и противоречия, процессы манипулирования общественным сознанием, ведущие к социальному отчуждению, формам девиантного поведения, деструкциям личности. Именно поэтому пространство социальных коммуникаций сегодня стало предметом научного изучения и практического освоения.

В сложной и многомерной среде XXI века это пространство выступает как

фактор формирования, регуляции и развития общественного сознания. Сегодня в условиях социальных, технологических, информационных трансформаций состояние общественного сознания характеризуется снижением уровня рациональности и осознанности. Это, в свою очередь, высвечивает недостаточную определенность в понимании соотношения коммуникативной функции социальных групп в формировании общественного мнения и массового сознания. Общественное сознание следует при этом рассматривать не только как совокупное сознание всех индивидуумов, но и как связи и отношения между ними. При этом коммуникативное пространство связано и оказывает непосредственное влияние на эти связи и отношения.

Сегодня в арсенале коммуникативистики существует большое количество концептуальных моделей, каждая из которых по-своему отражает структуру, элементы и динамику процесса коммуникации.

Так, в циркулярной модели коммуникации, предложенной в работах У. Шрамма и Ч. Осгуда коммуникация трактуется как двусторонний процесс связи, когда и отправитель, и получатель информации в равной степени взаимодействуют друг с другом, обмениваясь сообщениями (сигналами). Данная модель наглядно демонстрирует, что при обмене сообщениями «источник» и «получатель» поочередно меняются ролями, в результате чего коммуникация превращается в диалог.

Особое внимание авторы модели обращали на проблему интерпретации сообщения. Если механистические, линейные модели в первую очередь были нацелены на исследование точности передаваемых сигналов, достигаемой минимизацией технических шумов в канале, то в циркулярной модели основной акцент переносится на интерпретацию сообщения. Поскольку каждый участник коммуникации подходит к расшифровке смысла передаваемого сообщения со своими критериями, то в коммуникационном процессе возникает «семантический

шум». Минимизировать его последствия и сделать коммуникацию более эффективной и результативной можно лишь посредством механизма «обратной связи».

Отечественный психолог В.П. Морозов предложил оригинальную модель, в которой коммуникация представлена как двухканальная система, но не в механистическом, а в психологическом смысле. В целом он придерживается получившей широкое распространение схемы Шеннона, в которой любая система коммуникации представляет собой взаимодействие следующих основных частей: человека, передающего информацию; сигнала в форме акустических особенностей речи и голоса; слуховой системы, мозга и психики субъекта восприятия — слушателя. Морозов представляет коммуникацию как двухканальный процесс, состоящий из вербального, собственно речевого лингвистического и невербального экстралингвистического каналов. Особенность данной модели состоит в учете роли функциональной асимметрии мозга человека, являющейся физиологической основой независимости невербальной функции речи от вербальной.

В процессе исследования, анализа и оценки социальных коммуникаций и выявления их влияния на мировоззрение и массовое сознание, необходимо также различать понятия «коммуникации» и «общение». Данный вопрос был глубоко и содержательно раскрыт в работе М.С. Кагана «Мир общения».

Так, М.С. Каган отмечает: «В двух главных отношениях различаются общение и коммуникация. Первое состоит в том, что общение имеет и практический, материальный, и духовный, информационный, и практически-духовный характер, тогда как коммуникация (...) является чисто информационным процессом – передачей тех или иных сообщений. Второе отношение, в котором различаются общение и коммуникация, - характер самой связи вступающих во взаимодействие систем». [1]

Фундаментальное различие общения и передачи сообщений, по мнению, М.С. Кагана, выявляется в различии присущих им способов адекватной самореализации: структура сообщения монологична, а структура общения – диалогична. Подчеркивается, что «выявленная М.М. Бахтиным структура диалога в его отличии от монологического высказывания относится не только к словесной форме общения – речь идет здесь о самой сути диалога, независимо от средств, которые он использует: диалог предполагает уникальность каждого партнера и их принципиальное равенство друг другу; различие и оригинальность их точек зрения; ориентацию каждого на понимание и на активную интерпретацию его точки зрения партнером; ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании; взаимную дополнительность позиций участников общения, соотнесение которых и является целью диалога». [1]

Существует другая позиция, выражающая нетождественность понятий «коммуникация» и «общение», характерная для ряда современных философов, социологов и психологов. Согласно этой точке зрения, коммуникация – это процесс, посредством которого люди сообщают друг другу смысл, используя при этом общепринятый набор символов. Смысл коммуникации выражается в той реакции, которую она вызывает, а эффективность любой коммуникации определяется достижением ее цели. Под целью коммуникации в данном контексте можно считать донесение до слушателя смысла сообщения. Общение в рамках этого подхода малоэффективно по сравнению с коммуникацией, так как оно не направлено на достижение определенной цели.

Однако данный подход не учитывает творческой составляющей общения, когда в результате обмена идеями при условии диалогичности и совместного поиска общей позиции, состояние каждого партнера превращается в их общее достояние. «Истинный прогресс состоит в том, что в головах исследователей, прошедших школу общения, столкновение наличных идей порождает

принципиально новые продукты. Перед нами феномен творческого синтеза».[2] В этом смысле общение является более эффективным по сравнению с коммуникацией, так как способно порождать инновационные идеи.

Неудивительно, что в последнее время социальные, межличностные коммуникации, по сути, приравниваются к коммуникациям технологическим. Ведь и в том, и в другом случае, основными элементами являются отправитель, сообщение, канал связи и адресат. От адресата не требуется творчески осмыслить, переработать, усовершенствовать полученную информацию. Нужно лишь наиболее полно усвоить и наиболее точно осуществить указанное действие. При этом содержательный аспект сообщения, формы передачи информации остаются несущественными. Как следствие, творческая составляющая личности атрофируется, а сознание притупляется и теряет индивидуальные ориентиры, полагаясь всецело на массовые стереотипы. Отсюда – односторонность в трактовке социального пространства связей, при которой постепенно исчезают эмоциональное и рациональное пространства индивида. Остается лишь пространство для манипуляций, т.е. навязывание целей и стереотипов другому индивиду. В результате, властные социальные группы, в распоряжении которых новейшие и бурно развивающиеся информационные технологии, действительно эффективно осуществляют коммуникации. И адресаты, в свою очередь, в полной мере принимают «штампованные» потребности, мнения, цели, стереотипы. Это проявляется в ориентации исключительно на удовлетворение лишь простейших, как правило, личных, потребностей. [4] Окружающее пространство, люди, природа перестают входить в этот узкий и ограниченный мир обывателя, подвергающегося постоянным манипуляциям с разных сторон. Итогом данных коммуникаций являются многие глобальные проблемы человечества в эпоху глобализации. «Экологические, демографические, социальные проблемы, вопросы, связанные с перепроизводством и перепотреблением – все это показало,

насколько несостоятелен путь техногенного развития, бесперспективна ресурсоориентированная экономика».[3]

Тем не менее, социальные коммуникации могут совмещать два подхода к понятиям «коммуникации» и «общение». Так, при сохранении позиции партнерства, диалог может быть направлен на достижение цели и на решение определенной задачи. Коммуникация здесь будет выступать полноценным общением с его практическим, материальным, а также духовным, информационным и практически-духовным характером.

Процессом раскрытия глубинной личностной сущности участников коммуникации, результатом которого выступает прямое или косвенное благотворное влияние на окружающую социальную, культурную, природную, информационную среду, является экология социальных коммуникаций. При таком влиянии восстанавливается равновесие между человеком, обществом, культурой и природой, а главными задачами экологии социальных коммуникаций становится раскрытие уникального творческого потенциала личности в результате коммуникаций и забота об окружающем пространстве.

При наличии экологического аспекта в социальных коммуникациях происходит смещение эгоцентрического акцента в сторону бережного отношения к окружающему миру, полифоничности общения. Происходит формирование принципиально нового мировоззрения, основанного на единстве и целостности Вселенной, нашей планеты, природы, общества и личности. При этом общественное сознание развивается не на основе заданных стереотипов, способствующих деградации сознания, но на основе идей, рожденных в гармонии и единстве высокого эмоционального и разумного начал. [5, 6]

Таким образом, воздействие коммуникаций на общественное сознание, на характер общественных отношений, развитие личности актуализирует требование общественного контроля за содержанием самих коммуникаций и усилением их

культурно-нравственной основы. И при наличии множества подходов к коммуникативным процессам, в которых все же преобладает технологическое начало, следует уделить особое внимание содержательному ракурсу, учитывающему уникальность личности, ее творческий, конструктивный потенциал. В ситуации нарастающего глобального кризиса техногенного пути развития наиболее оптимальным является экологический аспект социальных коммуникаций, позволяющий сделать акцент на раскрытии глубинной творческой сущности индивида в гармоничной связи с окружающим социальным, культурным, информационным, природным пространством. При этом массовое сознание трансформируется в развитое общественное сознание на основе развития каждого его индивида.

Библиографический список

1. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1998. – С. 143-144
2. Ярошевский М.Г. Дискуссия как форма научного общения. – Вопросы философии, 1978, № 3, С. 98
3. Ишмуратова И.Р. «Жизнь как чудо», или жизненные проекты креативного класса России// «Alma mater» (Вестник высшей школы). – 2012. - № 7. - С. 49
4. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества В сборнике: Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции. – СПб, 2015. С. 5-8.
5. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного

научного симпозиума с международным участием. М., 2015. С. 26-29

6. Бузская О.М. Экология коммуникаций в обеспечении устойчивого развития современной России // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2015. Т. 5. С. 126-131

7. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.

8. Ивлева М.И., Левченко К.Г. Информационное пространство фундаментальных и прикладных наук в высшей школе // Инициативы XXI века. 2012. № 4. С. 102-104.

9. Чернышева Е.Н. Проблема рациональности социального поведения в современной западной философии: становление основных подходов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 2003

10. Чернышева Е.Н. Пространство потоков и структура глобального мира // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 11 (65). С. 38-43.

11. Григорян А.Э. В поисках экоориентированных стратегий развития информационно-коммуникативного пространства // Вестник Орловского гос. университета. 2015. №1. - С.297-300

Григорян А.Э. Проектное сознание в процессах формирования социальных коммуникаций

Design consciousness in social communication forming

Григорян Армине Эдуардовна
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова,
г. Москва
grigarm7@yandex.ru

Grigoryan Armine Eduardovna
Plekhanov Russian University of
Economics, Moscow

Аннотация. Статья раскрывает современные проблемы формирования проектного сознания субъекта социальных коммуникаций, а также его противоречивые свойства и характеристики в социальной системе России. Автор делает акцент на необходимости пересмотра векторов формирования проектного сознания с инструментально-технологического на гуманитарно-экологическое направление развития системы общественных отношений.

Ключевые слова: проектное сознание, социальные коммуникации, социальное проектирование, гуманизм, культура, экология.

Abstract. The article reveals the modern problems of design consciousness formation of the social communications subject and discloses its contradictory properties and characteristics in the Russian social system. The author emphasizes the need to review the design consciousness from instrumental and technological vector to humane and environmental direction of the social relations system.

Keywords: design consciousness, social communication, social designing, humanism, culture, ecology.

Исследование форм современного социального проектирования свидетельствует о востребованности анализа качественной регуляции их коммуникативных стратегий [4, 13], так как именно через потоки социальных коммуникаций происходит прогнозирование, моделирование и регуляция социальных проектов. При этом содержательные аспекты социальных

коммуникаций определяются ценностными установками и структурами мыследеятельности как индивидуального субъекта, так и социальной группы, и общества в целом [10]. В данном контексте представляет интерес феномен проектного сознания, являющийся сегодня доминирующим в смыслообразующих процессах социального проектирования.

Проектное сознание как категория социальной философии целостно рассматривалось в трудах Ю.В. Громыко. Так, по его мысли, «проектное сознание есть сфера, в которой происходит замыкание всех типов мышления, способных порождать и создавать проекты со всем множеством функций проектного мышления, создающего онтологические гипотезы, организационные конструкции, программы, знания, нормы и так далее» [1, с.16] Он также акцентирует внимание на то, что проектное сознание не является исключительно субъективным феноменом. Напротив, оно рассматривается как «всемирно-исторический опыт преобразования различных областей практики на основе целевой формы движения мыследеятельности». [1, с.334] Основной характеристикой проектного сознания, по Ю.В. Громыко, является способность субъекта полагать в качестве основания моделируемого будущего то общественное целое, которому само это сознание принадлежит по происхождению. [1, с. 335]. Из этого следует, что само будущее задается теми параметрами социальной системы, которые являются основополагающими для настоящего. То есть процесс социального проектирования через формы проектного сознания осуществляется на основе его культурно-ценностных моделей.

Сегодня формирование проектного сознания является одним из базовых элементов для сферы управления как в государственной сфере, так и в бизнес среде. Проектный менеджмент стремительно развивается и пускает свои корни еще в образовательном пространстве средней и высшей школы [11]. Однако, несмотря на свою видную роль в процессах проектирования коммуникаций, проектное

сознание обладает крайне противоречивыми чертами для формирования социокультурной сферы в целом.

С одной стороны, ее конструктивные характеристики являются мощным стимулом развития социального пространства. Это те технологии создания проектов, которые позволяют осуществить моделирование желаемой реальности и вывести ее в действительность с помощью определенных методов, инструментов и показателей. Благодаря таким технологиям проект выходит из состояния спонтанного развития в область намеренной и управляемой регуляции. Здесь само проектное мышление позволяет мыслить теми параметрами и осваивать те категории, в рамках которых существует сам проект, оставляя при этом «за скобками» все лишнее – то, что к данному проекту отношения не имеет. Такой подход позволяет с наиболее оптимальными ресурсами добиться необходимого результата в установленные сроки.

Примерами последних удачных социальных проектов можно считать развитие социальной рекламы в Москве, Санкт-Петербурге и регионах, когда в городах размещаются билборды с эмоционально затрагивающими сюжетами на тему жизни и здоровья людей («Родите ли?», «Любовь. Расскажите о ней детям» «Какое сиденье для ребенка лучше?» и др.) Большой популярностью пользуется западный проект «Khan Academy» - виртуальный образовательный ресурс, который бесплатно позволяет смотреть лекции ведущих европейских и американских специалистов в области науки, культуры, образования, бизнеса. [6]

Однако проектное сознание имеет свои существенные ограничения. Они связаны, с одной стороны, с собственно проектной областью, а с другой – со сферой общественных отношений в целом.

Оказываясь внутри процессов проектирования, субъект часто излишне замыкается на проекте, отрешаясь от конструктивных для него элементов извне, то есть достоинства проектного мышления – мыслить показателями и категориями

проекта – оказываются и его слабостью, так как упускается из виду те явления и процессы, которые с первого взгляда не связаны с данным проектом. Как правило, это события других сфер общественной жизни – политической, экономической, культурной и др. – которые выходят за рамки проекта, но объективно могут оказывать на него влияние как среда функционирования проекта. Однако сознание субъекта, мыслящего проектом, может быть слишком узким, чтобы увязать различные элементы внешней и внутренней среды между собой. Это является одной из главных причин неудач проектного мышления. Мыслить тактически, а не стратегически – это то, на что сегодня, как правило, направлено проектное мышление на практике. За счет этого проект становится достаточно краткосрочным по своим внутренним механизмам и часто не выживает в условиях стремительно изменяющейся социальной реальности. [7, 8]

Кроме того, существенным недостатком проектного мышления нам видится отсутствие в его основополагающих принципах этических, экологических и нравственных норм, регулирующих саму проектную деятельность. Отсюда – безнаказанность и вседозволенность в осуществлении проектов. То есть, любой, даже самый безнравственный проект, согласно этой логике, можно осуществить с помощью проектных технологий – лишь бы была очевидная выгода для его инициатора. Такая позиция приводит к нарушению и дестабилизации как локальной социальной системы, так и в целом – глобального пространства социальных отношений, так как не содержит главных принципов жизни, здоровья, позиции ответственности и уважения к человеку, обществу, природе.

Так, одним из примеров социальных проектов, в котором явно прослеживается антигуманистическая логика, является международный общественно-политический форсайт-проект «Детство-2030», инициированный в России в 2008-2012 гг. В рамках данного форсайт-проекта составлена дорожная карта сценарного развития института детства в России. В числе заявленных задач

плана ставятся следующие: в образовании переход на чипизацию мозга детей «для связи с глобальными информационно — управляющими сетями»; генная модификация человека с целью повышения его способностей; дети растут в воспитательных сообществах; упразднение традиционной семьи с заменой многообразия форм семейной жизни и т.п. [2] То есть проект направлен на уничтожение традиционного института семьи с целью замены человека роботом и превращения ребенка в заложника виртуальной системы. Так, среди «конструктивных возможностей» к 2025 году заявлены, например, такие: можно запрограммировать способности и характеристики детей; вместо детей можно заводить роботов или виртуального ребенка; воспитанием и уходом за детьми могут заниматься роботы; способности ребенка можно увеличивать за счет генной модификации и чипизации [3]. Данный проект вызвал резкую критику общественности и научного сообщества, и ключевые ориентиры в последние годы были изменены на эко-культурные – по крайней мере, на официальном ресурсе, для общественности.

Таким образом, проектное сознание, включающее проектное мышление и проектную мыследеятельность, является эффективным при создании и реализации проектов в качестве технологии. Однако без включения в него базовых этических, эколого-культурных принципов процессы проектирования социальных коммуникаций оказываются враждебными по отношению к человеку и неизбежно ведут к краху общественно-культурной системы [12]. Поэтому для эффективного и качественно-конструктивного проектирования общественных взаимодействий требуется усиление гуманитарной и экологической составляющей в сознании человека и общества с позиции целостности и с учетом желаемых моделей видения будущего.

Библиографический список

1. Громько Ю.В. Проектное сознание: Руководство по

программированию и проектированию в образовании для систем стратегического управления — М: Институт учебника Paideia, 1997 — 560 с.

2. Баркова Э.В. Философия межкультурных коммуникаций в проектировании образовательно-воспитательных систем: экофилософский анализ // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. М., 2015. С. 21-25.

3. Баркова Э.В. Масштаб личностного развития в целевых установках проектирования экокультуры информационного общества В сборнике: Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества Труды Международной научно-теоретической конференции. – СПб, 2015. С. 5-8.

4. Баркова Э.В. Межсубъектные связи в современном мире: опыт экофилософского анализа // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 8 (74). С. 12-23.

5. Баркова Э.В. Трансформации коммуникативных технологий в экофилософской перспективе глобализации // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. [№ 3 \(38\)](#). С. 132-136

6. Бузская О.М. Модели проектирования современного социокультурного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием. М., 2015. С. 26-29

7. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-12.

8. Бузская О.М. Экология коммуникаций в обеспечении устойчивого развития современной России // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. 2015. Т. 5. С. 126-131

9. Григорян А.Э. Функция конструирования в межкультурных коммуникациях // Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. №1-2(11). С.124-130

10. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчбасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 64-66.

11. Ивлева М.И., Левченко К.Г. Информационное пространство фундаментальных и прикладных наук в высшей школе // Инициативы XXI века. 2012. № 4. С. 102-104.

12. Чернышева Е.Н. Проблема рациональности социального поведения в современной западной философии: становление основных подходов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Москва, 2003

13. Чернышева Е.Н. Пространство потоков и структура глобального мира // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 11 (65). С. 38-43.

14. Форсайт-проект «Детство 2030» [Электронный ресурс] <http://detstvo2030.ru/>

15. Фонд поддержки молодежных инициатив «Мое поколение» [Электронный ресурс] <http://www.moe-pokolenie.ru/>

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 304.5

Чернышева Е.Н. Проблемы содержания глобального образования

The challenges of global education content

Чернышева Елена Николаевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва), chernel0602@gmail.com

Chernysheva Elena N.
PhD, associate professor, head of the department of social and humanities of the Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемы содержательного наполнения глобального образования. Делается вывод о необходимости включения в образовательные программы, в том числе и российские, дисциплин, способствующих развитию логического мышления. Ставится вопрос о месте и роли глобалистики как учебной дисциплины.

Abstract: This article researches certain problems of substantive content of the global education. It postulates the conclusion about the need to include in educational programs, including Russian, disciplines that contribute to the development of logical thinking. It puts forth the question about the place and the role of global studies as an academic discipline.

Ключевые слова: глобальное образование, единое образовательное пространство, инновационный подход, логическое мышление, глобальное знание, глобалистика.

Keywords: global education, a common educational space, innovative approach, logical thinking, global knowledge, global studies.

Интеграция в глобальную систему миропорядка, будь то на политическом, экономическом или культурном уровнях, а также создание единых глобальных подходов для решения и международных, и национальных проблем [4, 5, 6],

сегодня становится первоочередной задачей и для развитых, и для развивающихся, и тем более для отсталых стран. Но это внедрение невозможно без понимания значения и выработки глобальных подходов к такой фундаментальной для этого процесса системе, как мировое образование. Это и есть та инновационная основа, прежде всего экономическая, на котором в будущем, хотим мы этого или нет, и будет строиться стратегия человеческого развития.

Что же сегодня понимать под глобальным образованием и как сделать первые шаги по созданию единого образовательного пространства? Во-первых, глобализация образования – это процесс взаимодействия и объединения различных национально-государственных систем образования в будущую единую мировую систему образования [10, С. 10, 13]. То есть, по сути, обретения целостности мировоззрения молодого интеллектуального мирового сообщества. Во-вторых, это принципиально новое качественно-содержательное наполнение образовательного процесса, основанного на глобальном знании и мировоззрении, и формируемого в результате последних глобальных исследований [10, С. 10]. Двигателем развития глобального образования должен стать инновационный подход к нему. В чем главный недостаток традиционного образования? Оно, к сожалению, в основе своем нацелено на бессознательное приспособление к действительности. Эффективность глобального – в умении сознательно предвидеть события, явления и их последствия. Инновационный подход – это единство сопричастности и предвосхищения, то есть способность предвидеть события и их последствия, принимать решения, разделяя за них ответственность и т.д. [10, С. 11].

Что может стать основным инструментом глобального образования? С нашей точки зрения, это всесторонне развитие логического мышления. Только интеллект позволяет видеть закономерности. Соответственно, во-первых, чем выше логическая культура, тем человека легче обучать; во-вторых, и это

принципиально важно, знания нужны не ради самих знаний, знания нужны, чтобы их применять на практике [2, 3, 8]. То есть в конечном итоге, можно достичь двух основных целей: 1. с минимальными затратами получить максимальный результат; 2. спрогнозировать с наибольшей долей вероятности последствия своих действий.

Как же обстоят дела с развитием логического мышления в российской системе образования сегодня?

1. Дошкольное образование. Сегодня оно в соответствии с новым законом об образовании является неотъемлемой составной частью всей образовательной системы. И надо признать, что именно в дошкольных учреждениях логическому развитию уделяется определенное внимание. Например, при поступлении ребенка в школу для оценки его потенциала и степени готовности к обучению юридически разрешены только психологические тесты и тесты на развитие логических способностей.

2. Среднее образование. Для начальной школы разработаны сегодня ряд учебных программ, где введен дополнительно такой учебный предмет, как «Развитие познавательных способностей», а также разработаны учебные программы и учебники по математике, в которых каждый урок заканчивается решением логических задач. Однако эти программы не являются обязательными. Поэтому можно с уверенностью сказать, что, когда ребенок оканчивает начальную школу, его умение мыслить оставляет желать лучшего, поскольку развитие его логических способностей носит эпизодически-спонтанный характер. По сути это только сопутствующий эффект основного образовательного процесса. А он, к сожалению, по-прежнему, нацелен на то, чтобы вложить в голову ученика определенный набор знаний, а не на то, чтобы научить учиться. Хотя введение обязательных проектных работ для учеников средней школы частично решает эту проблему. При этом надо отметить, что подавляющий процент олимпиадных заданий для школьников – это задания на логику.

3. Высшее образование. Здесь картина удручающая. Если не брать во внимание философские факультеты, то дисциплина «Логика» более или менее полноценно преподается лишь для юристов. Хотя, по мнению Г. Айзенка и Д. Эванс (авторы классических тестов IQ, одной из самых распространенных методик определения уровня развития логического мышления в американской системе образования) есть, по крайней мере, еще одна профессия, где уровень развития логического мышления должен быть максимально высоким – это финансист [1, С.13]. Между тем, в большинстве российских вузов как на факультетах финансов, так и на других, логика преподается элективно, по выбору, а иногда и вообще отсутствует в учебной программе [12]. Остается надеяться, что с переходом многих учебных заведений на программы третьего поколения, с повышением значимости самостоятельной и практической работы, у руководства вузов появится стимул для развития логических способностей обучающихся. Нельзя в будущем допускать, чтобы оно осталось бессистемным а, следовательно, малоэффективным.

Таким образом, пока в современной российской системе образования на уровне средней школы не будет специального общеобязательного предмета, целью которого выступает непосредственное развитие логических способностей у обучающихся, а на уровне высшей школы изучению предмета «Логика» так и будет придаваться второстепенное значение, то ни о каком инновационном образовании речи идти не может.

Как правило, мы просто не можем судить об интеллектуальном потенциале ученика или студента, по той простой причине, что не проводится систематический анализа развития логического мышления у обучающихся ни по западным, ни по российским методикам. Соответственно, трудно сказать, современные программы и методы обучения, которые используются и в средней, и в высшей школах, способствуют развитию или, наоборот, калечат интеллект

школьников и студентов.

Без высокого уровня развития логического мышления невозможно предвидение и прогнозирование, невозможно как само формирование целостного глобального знания, так и его эффективное применение в глобальной деятельности [9].

Хотелось бы обратить внимание на еще одну проблему, связанную глобальным знанием, понимаемым как «интегративно-общенаучное знание, получаемое в результате исследования глобальных процессов и глобальной эволюции» [10, С. 11]. И.В. Ильин и А.Д. Урсул утверждают, что именно глобальное знание должно стать платформой развития всей науки и образования в XXI в. Следовательно, необходимо качественное изменение содержания учебных программ как в высших, так и в средних учебных заведениях.

На недавно созданном факультете глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова активно идет работа по развитию глобалистики как области научных исследований («мета-междисциплинарной области знаний» [7, С. 345]) и как сферы преподавания. И у этой работы уже есть конкретные и интересные результаты. Однако эффективное продолжение этой работы (или части этой работы, касающейся образовательного процесса) возможно только при ответе на принципиальный вопрос – будет ли преподаваться глобалистика как имеющая базовое значение учебная дисциплина, и на каком уровне, стадии учебного процесса? Будет ли это пропедевтическая дисциплина или, наоборот, дисциплина, имеющая завершающий, итоговый характер всего образовательного процесса? Нужно ли изучать основы глобалистики, например, в средней школе?

И если допустить, что глобалистика станет неотъемлемой частью современного образования, то в рамках российской системы высшего образования, где сегодня активно идет процесс разработки курса «Россия в мире», как эти учебные дисциплины будут между собой соотноситься? Курс «Россия в мире»,

который сам по себе вызывает большое количество вопросов и проблем (например, неизбежность идеологической составляющей данной учебной дисциплины), может иметь дополняющий характер, характер неотъемлемой составной части и т.д. по отношению к курсу глобалистики. Однако все эти проблемы требуют серьезного обсуждения, в том числе и общественного, так как кардинальным образом меняют содержательное наполнение российского образования.

Но если уже в скором времени не ввести такой предмет как глобалистика, и в школах, и в вузах, не окажемся ли мы очень быстро за бортом мировых интеграционных и инновационных процессов, поскольку «образование – самая стратегически ориентированная сфера человеческой деятельности» [11, С. 336]?

Библиографический список

1. Айзенк Г., Эванс Д. Тесты IQ для юных гениев. – М., 2007. – 224 с.
2. Баркова Э.В. Пространственно-временной континуум культуры. автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук // Волгоградский государственный университет. - Волгоград, 2003.
3. Баркова Э.В. Информационная экология в структурировании пространственно-временного континуума общества знаний // Человеческий капитал. 2014. № 12 (72). С. 96-100.
4. Бузская О.М. Роль коммуникаций в формировании социокультурного пространства информационного общества // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 1 (30). С. 249-252.
5. Бузская О.М. Экологическая безопасность как критерий развития межкультурных коммуникаций // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2015. № 1-2 (11). С. 5-

12.

6. Григорян А.Э. Проектирование коммуникативных оснований нравственно-ценностного пространства // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием . Москва, 2015. С. 39-41.

7. Земцов Д.И. Дидактические игры свободного действия в преподавании глобалистики. // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. – М.: МАКС Пресс, 2009. – Вып. 3.

8. Ивлева М.И. Место логики в системе экономического образования// Актуальные вопросы психологии и педагогики в современных условиях. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. г.Санкт-Петербург, 2016. С.114-116.

9. Ивлева М.И. О влиянии межкультурных коммуникаций на формирование российской университетской философии XIX в. // Актуальные проблемы общественных наук в России и за рубежом Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Арефьева И.А., Арчебасова Н.А., Билогур В.Е., Бондаренко Г.И., Бреслер М.Г., Вартумян А.А., Воденко К.В., Воронкова В.Г., Жегусов Ю.И., Зинченко В.В., Канц Н.А., Малышева Е.М., Марков Е.А., Маслова Т.Ф., Насыбуллин А.А., Осина О.Н., Ростовская Т.К., Соловьянов Н.И., Сопов А.В., Шебзухова Т.А. Новосибирск, 2016. С. 64-66.

10. Ильин И.В., Урсул А.Д. Эволюционный подход к глобальным исследованиям и образованию: теоретико-методологические проблемы. // Журнал «Век глобализации» № 1 (5), 2010. // <http://www.socionauki.ru/journal/articles/127583/>

11. Купцов В.И. Образование и процесс глобализации. // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. – М.: МАКС Пресс, 2010. –

Вып. 4.

12. Чернышева Е.Н. Перспективы междисциплинарного подхода в экономической науке // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2013. № 1 (5). С. 85-90.

13. Чернышева Е.Н. Проблемы формирования глобального образовательного пространства. // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 8. С. 205-215.

Электронное научное издание

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ МИРОЗДАНИЯ

Сборник научных трудов
по материалам I международной
научно-практической конференции

25 марта 2016 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-5-00-005653-1

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,4. Тираж 100 экз.
Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна
Адрес редакции: Россия, 603186, г. Нижний Новгород, ул. Бекетова 53.